

**Профессор д-р Чарота Иван Алексеевич,
Республика Беларусь**

*Филологический факультет БГУ
Минск*

О ПАМЯТИ КАК ИСТОЧНИКЕ И СОКРОВИЩНИЦЕ НАЦИОНАЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

**(по поводу белорусов на фоне иных
славян, прежде всего сербов)**

Аннотация

Предлагаются размышления о том, как в конце XX – начале XXI вв. силами, стремившимися воспрепятствовать реинтеграции, а конкретно – восстановлению единства между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, осуществлялось переформатирование исторической памяти современных белорусов. Пропагандисты идеологии этого лагеря посредством навязываемых ложных стереотипов пытались воздействовать прежде всего на память о генетическом родстве и на то, что в современной реальности не переставало напоминать о совместном и сходном в исторических судьбах народов-братьев. Сделана попытка осмыслить, почему наибольшим нападкам подвергался провиденциальный замысел общности всеславянской и ее составной части – общности восточнославянской (общерусскости), которая сложилась благодаря общей купели Крещения, а также совместному, из общей Чаши, православному Причащению. Рассмотрены конкретные примеры воздействия на эту память, но тщетности усилий разрушить ее, более чем

одинадцати веков закрепляющуюся, равно как и традиции, благодаря ей сложившиеся. Автор данного текста сосредоточил на небольшом сегменте масштабной темы и на материале, большинстве участников конференции малоизвестном.

Ключевые слова: *память, историческое и национальное самосознание, общность, идея единства славян, белорусы, сербы, восточные славяне, сравнение*

*

Прежде всего хотелось бы уточнить не всегда одинаково интерпретируемые нюансы содержания тех понятий, которые в нашем тексте сопрягаются с категорией памяти.

Так, когда речь ведется о самосознании, мы обычно имеем в виду то, как отдельный человек, индивидуум, осознает себя самого по сравнению с другими, как он определяет: «это я – это не я», «это касается меня – это относится не ко мне, а к иным», и как в соответствии с отмеченным он моделирует свое поведение, а также избирает принципы, составляющие основу всей системы его отношений с окружающим миром. Национальное самосознание, соответственно, есть то, как осознает себя общность, состоящая из индивидуумов, объединенных не только происхождением, но также совместно приобретенным опытом жизни во всех измерениях.

Казалось бы, такое самосознание, как имеющее вполне универсальную природу, должно формироваться и выражаться одинаково у всех народов. Но так это может быть лишь в тех редких случаях, когда самосознание национальное совпадает с гражданским, т.е. свойственно гражданам государственных образований с моноэтническим населением. А вот в конкретно-исторических условиях государств полиэтнических, особенно возникших в итоге не завершившегося еще переустройства мира и проходящих стадии нового утверждения, неизбежны коллизии. Наиболее сложный характер они приобретают тогда, когда у граждан новообразованных государств самосознание реально историческое подменяется взглядами, по сути условными, но в то же время жестко подчиненными идеологическим установкам актуальной политики. Обычно поначалу это проявляется в отношениях внутри государства – с другими

этно-социальными общностями, когда далеко не все носители такого самосознания разделяют установки на дезинтеграцию, но когда закрепившаяся идеология такого плана выносится на уровень отношений межгосударственных, то непременно становится фактором дезинтеграционным по отношению к прежней общности и к прежнему государству. Причем от проявленной силы «заряда дезинтеграционности», в конце концов, напрямую зависит признание нового этнополитического субъекта в качестве самостоятельной нации на международном уровне. Таковы условия нового мирового порядка, такова геополитическая реальность последнего времени. Понятно, что историческая память в этих случаях оказывается игнорируемой, точнее – грубо попираемой. А ведь именно она, по большому счету, должна представлять собой не только форму коллективного общественного сознания, т.е. хранения и интерпретирования совокупного общественно-исторического опыта, но и важнейшее средство передачи его новым поколениям.

Как раз на такого рода противоречия мы и хотим обратить внимание, намерившись рассмотреть белорусскую ситуацию в сравнении с сербской.

При объективном взгляде нетрудно заметить, что культурно-историческое сознание белорусов – как и большинства славян, включая сербов, – подверглось деформации вследствие чужеземности утвердившихся за последние десятилетия подходов. Скажем, в истории белорусской литературы почему-то выискивалось и выискивается соответствие общеевропейским “стилевым формациям” (А.Флакер) – начиная с антики и вплоть до постмодернизма... И вот уже вполне расхожими стали, например, определения ряда явлений отечественной культуры как ренессансных в общепринятом понимании. Хотя в таком случае логически предполагается, будто наши предки возрождали то, что не было (и не могло быть) рождено в своей традиции, на собственной почве, которая плодородной и благодатной являлась для совершенно иного. А ведь подобные плоды подчиненного ума представляют собой не что иное как простоватое стремление свидетельствовать причастность к «универсальным европейским ценностям”. Увы, для белорусов евро(по)центризм давно успели закрепить как фундамент общей систематизации и периодизации развития культур мира. Тогда как уместность и правомерность его в принципе, а тем более для белорусов, следовало бы осмыслить со всей серьезностью. Ведь, по большому счету, вообще бессмысленно искать

центр якобы единой общеевропейской культуры. Нужно учитывать сосуществование в Европе таких далеко не идентичных культурных очагов, например, как Греция и Швеция, а также коренные отличия духовно-культурных свойств, изначально имевших место и традиционно проявляющихся у испанцев и эстонцев, голландцев и албанцев... Каждая культура самоценна и обладает своими внутренними закономерностями развития. Сокровищница мировой культуры, опять же, создавалась не одними только европейцами. Очевидную ограниченность имеет также сопоставление культур по критериям «передовая – отсталая, более развитая – менее развитая, ведущая – ведомая...». Однако в этой парадигме сконструированная теория «ускоренного развития», практически безоговорочно принятая белорусами. В любом случае приходится недоумевать: кто, когда и как может определять темп «норму», в отношении которой происходит ускорение или замедление? Кстати, во избежание вредной отвлеченности, достаточно предложить литературоведам, являющихся сторонниками такой теории, чтобы они спроецировали упомянутые определения на самих себя и чистосердечно признали собственную отсталость, недоразвитость и ведомость, к тому же с принудительным ускорением или замедлением... Реакцию предсказать нетрудно.

Общеизвестно, что у всех народов постсоветских стран так или иначе проявлялся и проявляется вполне заметный комплекс неполноценности. Но если у прибалтов, скажем, он в значительной степени был вызван внушением, что, дескать, это Сталин отторг вас от Европы, а она с нетерпением ждет, когда же в ее объятия вернетесь, то у соседствующих с ними славян его обусловило какое-то самовнушение иного плана. И не случайно жесточайшему испытанию подвергся – прежде менее всего выявлявшийся публично – вероисповедный критерий. Прежде всего в соответствии с ним стали разделять изнутри будто бы сложившиеся «социалистические нации» украинцев и белорусов. Попытаемся разобраться в этом конкретнее. Белорусы, для которых Православие было и остается живой верой, конечно же, осознают, что единство – прежде всего неразрывность связей с братьями единокровными и единоверными. В основе их самосознания, на протяжении многих веков закреплявшегося исторической памятью, вот что: Крещение как для отдельного человека, так и для народа означает духовное рождение; когда крестились, славяне-русичи стали народом Божиим, христианским, обретя духовность – через благодать Духа

Святого, от купели Крещения, а просвещение – от Божественного Света и культуру, сформировавшуюся в тесной связи с культом, т.е. приобщением ко Христу; ведь именно для христианизации была создана славянская азбука, сформирован церковнославянский (равносвященный!) язык и заложены основы словесности, поставившей славян в ряд наиболее просвещенных и культурных народов мира. На белорусских землях эти письмо и язык именовались впоследствии русскими и воспринимались не иначе как ценное наследие, а также как важное средство этнической идентификации, что убедительно раскрывает известное стихотворение Яна Казимира Пашкевича, которое, кстати, написано в противоречивом для утверждения (бело)русскости XVII веке: «Полска квітнет лациною, /Литва квітнет русчиною./Без той в Полсце не прэбудзеш,/ Без сей в Литве блазнем будзеш./ <...> Весели ж се ты, Русине, /Тва слава нікгды не згіне» (Анталогія беларускай паэзіі 1993, 73). Так что и сейчас даже на Белосточчине, белорусской этнической территории, которая после Второй мировой войны присоединена к Польше и где уже весьма заметны результаты полонизации, представители коренного населения считают: «Всё же приятнее, когда православными буквами памятник подписан» (Кандрацюк 1998, 8). Именно так видят истоки единства белорусы, помнящие о заветах благочестивых предков. И приходится только сожалеть, что их мнение в информационном пространстве Беларуси не являлось ни преобладающим, ни определяющим. Отнюдь. К концу 1990-х и в 2000-е годы невероятно широкое распространение получили иные взгляды. В частности, пришедшие с недалекого Запада версии, что белорусы приняли Крещение неизвестно от кого, а также что впоследствии христианство на белорусских землях эволюционировало разновекторно – по преимуществу в противоборстве с «ретроградным Православием». Симптоматично, кстати, что еще более восьмидесяти лет назад населению «крэсув восточных» подобное внушала ассимиляторская пропаганда Второй Речи Посполитой, утверждавшая, что Православие здесь навязано в позднейшие времена, его «русский царь на телегах привез». Причем задействовано было не только внушение: «... Когда в 30-е годы на замковой горе в Гродно были найдены остатки древнего православного храма, то польские археологи по сути не засвидетельствовали это официально, поскольку факт этот прямо противоречил односторонней польской историографии, которая считала Гродно городом польским» (Астроўскі 1992, 14).

И такого рода способы реформирования сознания отнюдь не прошли даром, что засвидетельствовано и таким вот сдвигом: белорусские «прорабы перестройки», считавшие себя «авангардом прогрессивной интеллигенции», предпринимали весьма активные попытки заменить даже кириллическую азбуку, которая, дескать, ограничивала горизонты и светлые перспективы интеграции белорусов с Европой... Нередко, например, можно было услышать и прочитать также следующее: «Мы принадлежим к региону восточно-среднеевропейскому...» Не забывая о трезвом уме, можно было бы указать на примитивную нарочитость и бессмысленность такого определения. Но трезвый ум в данном случае был отключен вследствие ослепления идеей вхождения в Европу, а вместо него действовала своего рода «вторичная сигнальная система», которая напрямую диктовалась политической злободневностью.

В связи с этим не лишне исходно уточнить, что далеко не для всех граждан обретшей суверенитет Беларуси приемлемо употребляемое нами (само)определение «составная часть славянской и русской цивилизации», а также и этнонимическая категория «(бело)русскость». Нередко эти понятия со всей категоричностью интерпретировались как свидетельства утраты истинного национального самосознания под воздействием «российской имперской политики и идеологии». Правда, немалочисленные сторонники искаженно понимаемой «самости», терялись, как правило, когда им задавался вопрос: «Если отбросить «русскость», то на чем же будет держаться ваше «бело»? В таком случае, по свободному и добровольному самоопределению, называйтесь «белополяками», «белофиннами», «белоевропейцами», «белоамериканцами»...» Симптоматично, что на той же ассоциативности давалось строить аргументацию против мнения черногорского коллеги, непоправимо зараженного «монтенегризмом» и высказывавшего такие доводы: «Почему у нас отнимают право на суверенность? Вот вы же утверждаете свою белорусскость?». Пришлось отвечать вот как: «Ну что ж, тогда вы утверждайтесь как черносербы». Впрочем, хотя это и могло стимулировать продуктивность дискуссии, но в реальности не меняло сложившегося и все более закреплявшегося положения. Как-никак новое поколение оказалось уже под воздействием просвещения от соответствующего «света». И представители этого поколения, особо не задумываясь, за чистую монету принимают совет небезызвестного в среде белорусской «образованщины» Яна Станкевича, который предлагал «...отбросить смешное и вредное

название «белорус» и назвать себя нашим исконным славным именем кривичи» (Станкевич 1923, 10). Причем и почти столетие спустя его посыл не забылся, наоборот, оказался действительно развиваемым, приобретая искусные вариации. Например: “Заметим, что названия “Белая Русь”, “белорусский”, “белорусец” по отношению к нашим землям появились только в середине XVII ст. во время войн Московского государства с Речью Посполитой. Видать, именно от москвитин исходила инициатива назвать насельников смежного государства [тех, кто исповедовал русскую (православную) веру] белорусцами. Поэтому использование термина “белорусы” было чрезвычайно удачным: это давало России возможность убедительно обосновать свою захватническую политику” (Хаўстовіч 2010, 197).

Русофобский, «европеизирующий» угол зрения да долгое время стал главным у нас во взглядах на историю белорусского народа вообще. Это касается и вопросов этногенеза, что, впрочем, свойственно также аналогичным тенденциям у других славян. Мы имеем в виду распространение специфических теорий этногенеза – готской, сарматской, вендской/венедской, иллирской (как романской), скифской (как иранской) – с педалированием тех моментов, которые благоприятствуют интерпретациям происхождения славянских народов как инородных, но сближающих с иноевропейскими. А это ведь тоже вполне эффективный способ изменить самосознание – как ни крути, призрак вожаковой европейскости закрывал все, включая также следы памяти о славянскости, чрезвычайно важной для идентификации (бело)русского начала как “самости”. Так что со временем в нашей печати славянскую общность уже привычным было трактовать как абстракцию, следствием чего и являлись «теории» этногенеза белорусов не как славян, а общности, сложившейся на балтском или ятвяжском субстрате. Причем как бы самоценным становится вопрос именно о субстрате, а не сформировавшейся и существующей более тысячелетия общности. Кстати, вообще пугающей стала тенденция обсуждать не явления, факты, а воображаемые связи между ними.

То же самое можно сказать по поводу основательно переписанной истории Великого княжества Литовского, якобы апофеоза собственной независимой государственности. Повторной мощной волной на белорусов накатило внушение, что “золотую эпоху” для наших предков, а соответственно и для нашего исторического сознания тоже, представляет именно период ВКЛ. В связи с этим очень даже понятен скептицизм современного белорусского

публициста, отмечающего: “Кстати, сами современники XVI в., если судить по мемуарам того времени, не подозревали, что живут в “золотое столетие”, наоборот, многое из реальности приводило образованных людей той эпохи в отчаяние. Поэтому так называемая “золотая эпоха Беларуси” является всего лишь культурным мифом, придуманным на рубеже XIX-XX веков, чтобы активизировать культурно-просветительские усилия белорусской интеллигенции на землях бывшего Великого Княжества Литовского” (Конеў 2018, 131).

Крайне произвольно интерпретируется и едва ли не все важные события позднейшей истории. Скажем, то, как завоеватели (а для кого-то – освободители) Карл XII и Наполеон Бонапарт намеревались осчастливить наших предков с перерывом около ста лет, однако бесславно покидали белорусские земли в 1708 и в 1812 годах. А ведь все это – элементы коллективной памяти народа и его исторического самосознания. Правда, объективная «подсветка» для них содержится в мудром замечании академика П.П.Толочко: «Если говорить откровенно, мы, украинцы, всегда имели **очень пунктирную государственность** (здесь и далее в цитате подчеркивание наше. – И.Ч.) Немножко при Богдане до Мазепы, немножко во время революции, когда была создана Центральная Рада, гетманат. Немножко в советское время, где мы находились на правах автономии. Поэтому **в наших генах нет ощущения того, что мы государственная нация**» (Толочко 2020, 89). Для нас это суждение, как и заголовок цитируемой публикации украинского академика-историка, приобретают особый дополнительный смысл в связи с тем, что, «если говорить откровенно», то в истории белорусов своя государственность присутствует еще меньше – даже по сравнению с теми «немножко», которые касаются украинцев. А вместе с тем, радикальные силы одних и других, не успев разобравшись, что делать со свалившейся на голову независимостью, принялись за моделирование «суверенных», с якобы «скрытой» прежде государственностью, наций.

В этом, пожалуй, прежде всего нужно искать причины деформаций национально-исторического самосознания современных белорусов, как и братьев-украинцев. Правда, украинцы оказались неспособными погасить пожар шовинизма, обернувшегося неонацизмом. Но определенные силы белорусского общества – особенно представители гуманитарной интеллигенции – тоже сильно увлеклись желанием во всем походить на полноценные и

консолидированные нации, занять свое «почетное место» среди них. И по тем же проявлениям нетрудно обнаружить сходство – разумеется, в большей или меньшей степени, – геополитический выбор славян восточных с народами бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии. С черногорцами больше всего. Как-никак общим было стремление акцентировать и абсолютизировать «небратство» – в одном случае по отношению к русским, в другом к сербам. Правда, у белорусов и украинцев, особенно по сравнению с черногорцами, коллизийность объективно усугублена тем, что для них, во всяком случае – для населения тех регионов восточнославянского ареала, в которых государственность и власть неоднократно и по-разному менялась. Вот и напоминает о себе вопрос драматического содержания: разве при таком историческом прошлом на протяжении веков могли при обретении независимости вдруг, “по щучьему велению”, сложиться общая память и единое самосознание? В качестве по-настоящему связующего и консолидирующего средства народам славяно-русского племени можно было полагаться лишь на праотеческую веру, на Православие. Между тем, и обзревая прошлое, мы ясно видим не только торжество его. В связи с чем, опять-таки правды ради, стоило бы как можно честнее относиться к стереотипным утверждениям о религиозной толерантности на белорусских землях во все времена. Обходиться со страшными в этом плане страницами истории так, как нерадивые дети со страницами школьных дневников – т.е. вырывать, чтобы от родителей и всех интересующихся скрывать – мы не смеем.

А этим, плюс ко всему, у белорусов проблемы памяти и самосознания усугубляются – у нас почти каждая конфессия, независимо от того, что составляла и составляет меньшинство, при переустройстве мира стала “гнуть свою линию” с масштабными претензиями. Вот, к примеру: «Между тем, мало кто вспоминает, что протестанты имели прямое отношение к так называемому «Золотому веку» Беларуси, деятели Реформации XVI столетия внесли огромный вклад в духовное, политическое, экономическое, культурное развитие страны. Наиболее видные фигуры того времени (Симон Будный, Василь Цяпинский, Николай Радзивилл Черный, Астафий Волович) имели непосредственное отношение к обновлению церкви, которое активно проходило в то время в нашей стране <...> Первым в этом ряду, безусловно, стоит Николай Радзивилл Черный – одна из крупнейших исторических личностей нашей страны,

активный сторонник независимости Великого княжества Литовского (историческое название страны, где доминирующей частью населения были литвины-белорусы), христианин, за двенадцать лет деятельности которого кальвинизм на белорусских землях стоял на позициях господствующего вероисповедания» (Варыкин 2001, 38). На тех же позициях находится автор специфической книжки, которая издана, кстати, в России, а не в Беларуси, но якобы с искренней заботой о том, как восстановить неповторимую белорусскую «самость». Идя еще дальше, он утверждает, что Реформация не только обусловила Возрождение и «Золотой век» Беларуси, но и заложила основы белорусской нации, а сияние того «века золотого» нынешним белорусам освещает путь, по которому они должны идти (Акинчиц 2001, 124). Не менее показательной явилась и позиция Евгена Шумейко, активно пропагандировавшего католицизм как веру истинных белорусов: «Под тревожные звуки органа национальная душа не могла уснуть, тогда как “малиновый звон” густым елеем облекал, успокаивал и расслаблял мятежные мысли и устремления. Я не собираюсь оскорблять чьи-то нынешние религиозные чувства, я только пытаюсь понять **объективное преимущество в нашем колониальном прошлом фермента западнохристианской евроцентричности** (*Подчеркивание здесь опять наше. – И.Ч.*)... Все лидеры бунтарей, повстанцев, косионеров тех времен были преимущественно из католической среды» (Залоска 1995, 55–56).

У белорусской интеллигенции в перестроечные времена с особой силой проявлялось увлечение униатством, которое она интерпретировала как “национальную веру белорусов”. Причем делала это, как правило, безотносительно к традициям и даже к собственной воцерковленности. Обосновывала парадоксально, а иногда – просто абсурдно, как в случае Юрия Хадьки, одного из лидеров Белорусского Народного фронта: «...Я сказал себе и другим: “Вы себе как хотите, но коль наше давнишнее церковное искусство сплошь униатское и такое прекрасное, то я – униат”» (Наша слова 1994). Носители конверсионной идеологии, претендовавшие на доминирование в получившей суверенитет Беларуси, действовали не столько числом, сколько безоглядностью натиска. И в соответствии с указанной ими ориентацией, увы, стала переписываться национальная история, т.е. переформатироваться память. С начала 1990-х годов у нас были не только широко распространены, но даже в школьных учебниках закреплены утверждения, будто

белорусскую культуру до XVIII в. формировали униаты, т.е. грекокатолики, а на протяжении XIX и начала XX вв. – римокатолики. По поводу якобы имеющихся в данном случае различий к месту будет плод народного мудрословия: “Что в лоб, что по лбу – все одно”. Ведь в действительности все равно католики. И католический прозелитизм, надо признать, был у нас исключительно мощным и дал свои результаты, поскольку активно использовал средства массовой информации, в том числе и системы просвещения, а касался наиболее чувствительных струн актуализируемой, хотя и вовсе не восстанавливаемой, исторической памяти. Вот образчик: «...Католичество, например, с его дисциплинированностью полезно повлияло на белорусскую психику, зачатки белорусского возрожденческого движения тоже появились в католической среде (К.Калиновский, Я.Боршчевский, Я.Чачот, В.Дунин-Марцинкевич, Ф.Богушевич и др.), католичество повлияло и на православие, которое в Беларуси отличается от российского и не имеет ни цезаропапизма, ни крайней пассивности, оно открыло двери для белорусского народа и в международной жизни (например, Ватиканская радиостанция первой включила белорусские передачи в свою программу), благодаря католицизму же белорусы причисляют себе к народу Запада и др.» (Уладыкоўская 2010, 32–33).

При трезвом подходе это выглядит странно, однако именно такой аргументацией заполняли “новобелорусскую” память, хотя для имеющих глаза и уши совершенно очевидным и неоспоримым являлось то, что культуурообразующую и культууроохранную роль для белорусов как в давние, так и в новые времена выполняло в основном все же Православие. Достаточно вспомнить только православных священнослужителей и выпускников православных учебных заведений, действовавших в крае (Вильно, Витебск, Минск и Могилев), которые утверждали белорусскость на протяжении XIX и начала XX вв. Разве можно, скажем, представить белорусскую археографию, историографию вообще, без трудов И.Григоровича, Н.Горбачевского, И.Боричевского-Тарнавы, М.Кояловича, К.Говорского, С.Рункевича, И. Малышевского, П. Жуковича, В.Завитневича, К.Харламповича, М.Веревкина, Н.Богородского, этнографию – без П.Шпилевского, Н.Никифоровского, С.Сахарова, Ю.Крачковского, Е.Орловского, Д.Булгаковского, И.Бермана, филологию – без И.Носовича, И.Гашкевича, А.Будзиловича, П.Тихоновича, П.Шпилевского, Е.Карского, Н.Байкова, С.Павловича?

Затронутая нами тема имеет еще один весьма значимый аспект: хранение памяти каждого народа осуществляется посредством родного слова, устной и письменной словесности. И общеизвестно, что в этом плане сербов отличает – можно сказать, делает народом исключительным – наличие всемирно признанного национального эпоса. Который, кстати, вряд ли можно разделить на сербский и черногорский, как бы ни оспаривали такую данность нынешние «монтегристы». То, что может называться эпической памятью, обладает наиболее мощной силой. Ведь посредством эпоса фиксируется и передается общая «свест» и «савест» как совместное ведение и коллективное сознание, он закрепляет соборные представления о славе и позоре в минувшем и настоящем, он обозначает идеалы, к которым следует совместно стремиться в будущем.

Но если продолжать рассмотрение в сравнительном плане, нельзя не отметить, что поэтический эпос у белорусов отсутствует. Значит, и память эпическая тоже. Мимоходом обсуждать это, пожалуй, не сто́ит, однако и совсем без внимания оставлять вряд ли резонно. Уже потому, что белорусскую культуру, как и русскую, и сербскую, о чем убедительно свидетельствует указанное выше, на всех основаниях можно считать культурой словесноцентричной. По большому счету, и в новейшие времена словесное искусство, собственно литература, у нас выполняло те функции, которые должны были бы принадлежать философии, а также историографии. В связи с этим не лишне, пожалуй, опять провести сравнение, но на этот раз внутри составных частей восточнославянского литературного контекста. Важно, думается, обратить внимание на то, что русская литература уже во второй половине XX века пришла-таки к весьма серьезной постановке вопросов, касающихся памяти народной, и вышла на осмыслению их как проблемы комплексной, универсальной. Причем это послужило не только отражением национального самосознания в прошлом, но и как действенный фактор его формирования в актуальной ситуации. Именно об этом значении уместно вести речь, когда вспоминаем поэму «По праву памяти» А.Твардовского, роман «Память земли» В.Фоменко, историческое повествование «Память» В.Чивилихина, повесть «Живи и помни» В.Распутина и др. Это мы перечисляем те произведения, которые данную тему отразили уже в заголовках. А не менее глубоко и впечатляюще она была художественно воплощена и другими русскими писателями, в иных произведениях – например, А. Ахматовой в «Реквиеме», В. Распутиным в

«Прощания с Матерой», В.Солоухиным в «Письмах из русского музея», В.Кузнецовым в «Атомной сказке»... Соответственно, имеется достаточно оснований утверждать, что когда возникли уже запросы общества по возвращению исторической памяти и восстановлению национального самосознания, то лучшие представители русской литературы достойно выполнили свое предназначение, последовательно проводя идею, крайне важную, хотя и вовсе не новую, которая лаконично выражена в повести одного из наиболее известных писателей того времени: «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни» (Распутин 1991, 302). Тем же вектором постепенно стали предопределяться также исследовательские интересы русских ученых-словесников, к числу которых относится и высокоавторитетный академик Д.С. Лихачев, афористично сформулировавший то, что было нужно: «Память – преодоление времени, преодоление смерти. В этом величайшее нравственное значение памяти» (Лихачев 2006, 169).

В белорусской же художественной литературе перестроечной эпохи, после довольно глубокого и разностороннего исследования опыта Великой Отечественной (Второй мировой) войны, стал проявляться разве что конъюнктурный интерес к эпохе Великого княжества Литовского (вместе с Коронай-Польшей) и к деятелям этого государства как белорусским национальным героям. С горечью приходится констатировать, что именно так проявилась пост-память, пара-память – короче, антипамять, и таким образом «дала сбой» функция литературы как формы национально-исторического самосознания народа. Наши писатели принялись утверждать белорусскость как нерусскость, а то и антирусскость. Примерно так же, как европеизирующиеся черногорцы стали относиться к сербству...

Тот, кто с дистанции времени пытается объяснить причины этого зигзага в развитии коллективного сознания, вынужден делать вывод, что нам пришлось иметь дело с той его, сознания, особенностью, которую И.А.Ильин определил как индивидуализацию «не духовно». Ну а в более широком плане речь должна идти о том, что у белорусов память, историческое самосознание, а также сама идея национального государства разломалась вследствие перенесения центра тяжести на пропольский элемент, который в соотношении с элементом русским по природе своей для нас не может быть опорным, чтобы предоставить историческую перспективность. Понятно, что о единстве нации при сложившейся условиях речи быть не может. Что же касается представителей

белорусской литературы и гуманитарных наук в целом, то большинство из них, трубя о преданности народу, сначала пропагандировало опасность братства и единства с русскими, затем добровольно бросилось в сети евроатлантических «ловцов душ», после чего принялось излагать свои планы строительства иллюзорных общеевропейских замков. Кстати, упоминание последнего является вовсе не шуткой, и даже не гиперболой. В подписанном двенадцатью белорусскими апостолами новой интеграции письме руководителям Совета Европы действительно предлагался «конкретный проект строительства и открытия величественного Музея истории и культуры Европы», который «со временем может превратиться в величественный дворец, если не в новое чудо света вообще» (Якавенка 2015, 27-28). Понятно, что это выглядело, мягко говоря, как наивность и в восприятии не утратившего память народом, и в глазах европейских псевдопокровителей. Не лучше на этом фоне выглядели и конкретно служители музыки той самой истории, которая, согласно словам популярной песни, призвана «ни столько, ни полстолько не соврать», тогда как они без зазрения свести в одном случае вещали: «Общеизвестно, что Беларусь была «страной замков» (Весьялуха 2015, 12), в другом – сборник, посвященный польскому государственному деятелю, “содержательно и лаконично” озаглавливали: “Великий белорус Лев Сапега” (Нарутовіч 2018, 12) – и так далее, и тому подобное .

Имея задачу как-то подытожить сказанное, мы вынуждены снова и снова привлекать внимание к противоречиям не столько объективно-историческим в марксистском смысле, сколько к тем, которые обусловлены состоянием нашей памяти и нашего исторического самосознания. Прежде всего не забывать о провиденциальности, т.е. о том, что Бог даровал народам для сохранения своей самости, самостоянья, по слову А.С.Пушкина. И в связи с этим учитывать значимость традиций, обусловленной ими шкалы ценностей, и всего суммарного опыта, который приобрели наши народы. Всем нам, конечно же, надо опамятоваться. И слава Господу, что с белорусами в последнее время это происходит.

ЛИТЕРАТУРА

- Акинчиц С. 2001. *Золотой век Беларуси*. Хабаровск.
- Анталогія беларускай паэзіі. Т.1.* 1993. Мінск, 1993.
- Астроўскі Ю. 1992. Беларусь: адзін народ і тры нацыі? *Літ*, 15.05.1992.
- Варыкин А. 2001. Герои белорусской Реформации: некоронованный король Беларуси. *Христианская культура. Сб. статей*. Брест.
- Весялуха М. 2015. Зачараванасць замкамі. *Літаратура і мастацтва* (Мінск), 3.04.2015.
- Залоска Ю. 1995. *Версії*. Мінск.
- Кандрацюк Г. 1998. Свята памерлых у Беластоку. *Ніва* (Беласток), 15.11.1998.
- Конеў Я. 2018. Карані беларускага інфармацыйнага дрэва. *Маладосць*, № 1.
- Лихачев Д. С. 2006. О памяти. *Письма о добром*. М., СПб. То же: <https://www.livemaster.ru/topic/783649-pismo-o-pamyati-dmitrij-lihachev>
- Наша слова* (Мінск), 14.12.1994.
- Нарутовіч Н. 2018. Слова вялікаму канцлеру. *Літаратура і мастацтва* (Мінск), 16.03.2018.
- Распутин В.Г. 1991. *Прощание с Матерой. Собр. соч.: В 3-х т. Т.2*. Москва.
- Станкевіч Я. 1923. Нацыянальны назоў беларусаў. *Беларускі студэнт* (Прага), № 2-3.
- Толочко П.П. 2020. «В ненависти к русским мы проклинаяем и самих себя». *Возвращение. Духовно-просветительский альманах. Вып. 5*. Белгород-Губкин-Ракитное.
- Уладыкоўская Л. 2010. *Як захаваць культурную самабытнасць? Сучасныя нарысы для некаторых аспектаў праблемы*. Мінск.
- Хаўстовіч М. 2010. *Шляхамі да беларускасці. Нарысы, артыкулы, эсэ*. Варшава.
- Якавенка В. 2015. *Знайсці духоўнасць і гармонію ў грамадстве*. Мінск: Тэхналогія.

Prof. Dr. Ivan Alekseevich Charota, Republic of Belarus

Faculty of Philology

Belarusian State University

Minsk

ABOUT MEMORY AS A SOURCE AND A TREASURE OF NATIONAL-HISTORICAL IDENTITY

(with reference to Belarusians in comparison with other Slavic nations, first of all Serbians)

Abstract

Readers are presented with reflections on how, at the end of the 20th - beginning of the 21st century, the forces that tried to prevent reintegration, and especially the restoration of unity between the Republic of Belarus and the Russian Federation, reformulated the historical memory of contemporary Belarusians. Propagators of the ideology of this camp, through imposed false stereotypes, tried to influence, first of all, the memory of genetic kinship and the fact that in modern reality it does not stop reminding of common and similar historical destinies of fraternal nations. An attempt was made to understand why the well-thought-of plan of the pan-Slavic community and its constituent part – the Eastern Slavic community (Russian Identity), which was created thanks to the common baptismal font, as well as the common Orthodox communion from the same Chalice, was subjected to the greatest attacks. Concrete examples of the impact on this memory are discussed, as well as the futility of efforts to destroy it, which has been consolidated for more than eleven centuries, as well as the traditions that have developed thanks to it.

The author of this text focused on a small segment of a large topic and on material that is little known to most conference participants.

Keywords: *memory, historical and national identity, community, idea of Slavic unity, Belarusians, Serbs, Eastern Slavs, comparison*